

Казанов Юрий Алексеевич

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, предпринимательское право, семейное право

Институт наследственного договора в России

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные вопросы правового регулирования, понятия наследственного договора. Выделено, что его сущность раскрывается через сочетание двух ключевых элементов: распорядительно-наследственный элемент и договорно-обязательственный элемент. Определено, что под наследственным договором в его современном российском понимании предлагается понимать дву- или многостороннюю гражданско-правовую сделку, совершаемую наследодателем при жизни с одним или несколькими лицами (приобретателями), которая, сочетая в себе элементы распоряжения на случай смерти, устанавливает условия и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти и может содержать взаимные обязательства сторон, подлежащие исполнению в предусмотренные договором сроки.

Ключевые слова: наследственный договор, супруги, наследование, брак, родственники, стабильность.

Несмотря на то, что в конструкции наследственного договора действительно присутствуют определенные противоречия, в особенности это касается именно наследственного договора с участием супругов, все же в большинстве случаев в научно-исследовательской литературе можно увидеть либо положительные мнения относительно введения в гражданский оборот конструкции наследственного договора, заключенного супругами, либо выводы двойственного характера [9, с.45].

В последнем случае с одной стороны, рассматриваемая правовая конструкция подвергается критике, но, с другой стороны, отмечается ее положительное значение

не столько в том, что такой договор существенно расширяет возможности выражения наследственной воли, столько в том, что наследственный договор может стать альтернативой договору пожизненного содержания с иждивением, как это мы видим, например, в ряде работ отечественных авторов [6, с. 156].

Признание наследственного договора в качестве самостоятельного основания наследования (п. 1 ст. 1111 ГК РФ [1]) стало знаковым событием, ознаменовавшим радикальный поворот российской цивилистической доктрины от традиционного, ориентированного на односторонние акты, подхода к наследованию в сторону признания и легитимации договорных моделей посмертного преемства [7, с. 50]. Эта рецепция, обусловленная потребностями современного оборота и необходимостью расширения инструментария наследственного планирования, закономерно привела к оживленной научной дискуссии. Ее предметом стали как сама правовая природа и целесообразность нового института, так и содержание многих его нормативных характеристик, которые в силу своей новизны носят во многом дискуссионный и пробельный характер.

Отправной точкой для доктринального осмысления наследственного договора является вопрос о его понятии и правовой сущности. Важно отметить, что законодатель, введя в ГК РФ главу 62.2, не счел необходимым дать легальное определение наследственного договора, ограничившись описанием его ключевых признаков и условий. Это отсутствие дефинитивной нормы, на которое справедливо указывает Д.В. Вахрушев, стало катализатором активной работы исследователей по формулированию доктринальных определений, призванных выявить сущностные характеристики данного правового феномена [4, с. 737].

Изучение существующих в правовой доктрине дефиниций свидетельствует о становлении единого подхода к пониманию наследственного договора как комплексного (гибридного) правового явления. Ведущие специалисты в области цивилистики (в их числе А.И. Гусейнова, П.В. Крашенинников, Д.Г. Золотухин) сходятся во мнении, что его сущность раскрывается через сочетание двух ключевых элементов [5, с. 54-55]:

1. Распорядительно-наследственный элемент.

В данном качестве договор выступает как акт посмертного волеизъявления (mortis causa). Он является тем юридическим фактом, который непосредственно инициирует возникновение наследственного правоотношения после смерти наследодателя, устанавливая конкретный круг правопреемников и механизм перехода к ним прав на имущество. В этой своей ипостаси он выполняет функцию, аналогичную традиционному завещанию.

2. Договорно-обязательственный элемент.

В то же время, в отличие от сугубо одностороннего завещания, данный институт обладает всеми признаками дву- или многосторонней сделки. Его заключение и действительность зависят от достижения согласия между всеми участниками. Именно эта договорная основа позволяет включить в содержание соглашения взаимные имущественные или неимущественные обязательства сторон, которые могут подлежать исполнению ещё при жизни наследодателя (например, обязанность приобретателя по предоставлению регулярного содержания), создавая тем самым сложную систему правоотношений, выходящих за рамки простого преемства.

Таким образом, под наследственным договором в его современном российском понимании предлагается понимать дву- или многостороннюю гражданско-правовую сделку, совершаемую наследодателем при жизни с одним или несколькими лицами (приобретателями), которая, сочетая в себе элементы распоряжения на случай смерти, устанавливает условия и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти и может содержать взаимные обязательства сторон, подлежащие исполнению в предусмотренные договором сроки.

Такое понимание, по нашему мнению, наиболее адекватно отражает комплексную природу института, одновременно вписывая его в систему оснований наследования (распорядительный элемент) и в общие рамки гражданского договорного права (договорный, обязательственный элемент). Именно эта двойственность предопределяет все дальнейшие особенности его правового режима: особый субъектный состав, императивную форму, специфические основания изменения и прекращения, а также порождает основные теоретические и

практические коллизии, требующие отдельного рассмотрения.

В то же время в доктрине представлен и иной, предметно-функциональный подход к определению наследственного договора. Его сторонники, стремясь вписать новый институт в традиционную систему гражданско-правовых договоров, акцентируют внимание не на природе волеизъявления, а на содержательном составе соглашения.

Ярким примером служит позиция Д.В. Бушляковой [3, с. 50], которая, анализируя наследственный договор через призму общего учения о гражданско-правовых договорах, определяет его как соглашение, по которому одна сторона (наследодатель) обязуется на условиях, определенных договором, обеспечить переход своего имущества к другой стороне (приобретателю) после своей смерти, а другая сторона обязуется принять это имущество и (или) выполнить иные встречные обязанности, которые могут быть предусмотрены договором (например, по содержанию наследодателя). Такой подход, сознательно не акцентирующий внимание на распорядительном характере действий наследодателя, делает упор на взаимность обязательств и структуру договора как соглашения, что позволяет применять к нему по аналогии многие общие положения обязательственного права.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующий вывод.

1. Дискуссия о понятии наследственного договора раскрывает два основных вектора его доктринального осмысления:

- первый делает акцент на его уникальном гибридном статусе (распоряжение + договор),
- второй стремится интегрировать его в классическую договорную типологию через анализ предмета и взаимных обязанностей.

Последующий анализ спорных аспектов института будет неизбежно опираться на выбранный понятийный фундамент.

2. Дискуссия о целесообразности и своевременности включения наследственного договора в российскую правовую систему, хотя и сохраняет теоретический интерес, на современном этапе утрачивает свою первоначальную остроту. Институт введен в законодательство (ст. 1140.1 ГК РФ), и актуальной

задачей становится не оценка принципиальной обоснованности этого шага, а доктринальное осмысление и практическое наполнение новой конструкции. Безусловно, накопление правоприменительной практики заключения и исполнения наследственных договоров требует времени, однако это не умаляет их значимости как нового юридического инструмента.

3. Наследственный договор предоставляет гражданам качественно иные возможности для прижизненного планирования судьбы имущества, а именно:

- обеспечивает повышенную стабильность и гарантированность посмертных распоряжений за счет механизма возмещения убытков при одностороннем отказе;
- позволяет строить взаимные (синаллагматические) обязательства между наследодателем и приобретателем (например, по содержанию и уходу);
- создает правовые рамки для комплексного урегулирования вопросов преемства, особенно в сфере предпринимательства и управления имущественными комплексами. Таким образом, он существенно расширяет диспозитивность и гибкость наследственного права, отвечая на современные социально-экономические запросы.

4. Что касается критики, основанной на самом факте заимствования данного института из германской правовой традиции, то она не учитывает историко-правовой контекст развития российского гражданского права. Рецепция юридических конструкций, в том числе из немецкой доктрины (*Erbvertrag*), является для отечественного законодательства устоявшимся и плодотворным методом совершенствования, что убедительно показано в трудах по сравнительному правоведению [2, с. 240].

Ключевой особенностью этого процесса является не механическое копирование, а адаптивная трансформация заимствуемых моделей с учетом специфики национального правопорядка, правовой культуры и системных связей внутри ГК РФ. Конструкция наследственного договора в российской редакции (ст. 1140.1 ГК РФ) - наглядный пример такой адаптации: восприняв core идею договорного распоряжения на случай смерти, российский законодатель модифицировал ее, введя, например, императивное правило о возмещении убытков

при отказе наследодателя (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ) и особый режим взаимодействия с обязательной долей (п. 7 ст. 1140.1 ГК РФ). Следовательно, наследственный договор следует оценивать не как «чужеродный» элемент, а как закономерный результат эволюции отечественного наследственного права в русле общей континентально-европейской традиции [8, с. 50].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Арсланов К.М. Правовой обычай как источник права: история и современная судебная практика // Вестник гражданского процесса. 2025. № 6. С. 236-258.
3. Бушлякова Д.В. К вопросу о проблемах применения наследственного договора в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2015. № 4 (17). С. 50-52.
4. Вахрушев Д.В. Наследственный договор: теория и практика // Вестник научной мысли. 2021. № 6. С. 737-741.
5. Гусейнова А.И. Понятие и правовая природа наследственного договора // Закон и право. 2020. № 3. С. 54-55.
6. Закарьяева З.Ш. Наследственный договор: особенности правового регулирования и сравнение с иными договорными конструкциями // Образование и право. 2021. № 2. С. 152-156.
7. Коптяев А.С. Возникновение и установление брачного договора в зарубежных странах // Вестник Академии управления и производства. 2024. № 4-2. С. 522-528.
8. Летова Н.В. Наследственный договор: особенности и назначение // Нотариус. 2026. № 2. С. 48-54.
9. Черевко В.В., Коптяев А.С. Правовой анализ брачного договора в России и зарубежных странах // Форум. Серия: Роль науки и образования в современном информационном обществе. 2024. № S3(32). С. 40-46.